

После этого Ду Цзянсюэ и её напарник завершили своё первое в жизни выступление на импровизированной сцене из столов. Тем временем Чжоу Сяоча довёл своё расследование до конца, анонимно разоблачив ситуацию в театральной труппе. Когда он прибыл на место выступления, то увидел редкие аплодисменты и улыбки удовлетворения на лицах двух смелых людей.

Этот последний спектакль был сценой прощания Чжоу Сяоча с матерью после похорон отца.

После смерти отца долги остались неоплаченными. После завершения выступления Ван Лицин вновь призналась в чувствах Чжоу Сяоча, но получила вежливый отказ. Он не хотел обременять того, кого не любил, и тем более не желал провести жизнь с человеком, к которому не испытывал чувств. Впоследствии, как и предполагали главные герои, сотрудники поддельной труппы оказались преступниками. Преступники понесли заслуженное наказание, а добрые люди смогли встать на путь своей мечты.

Когда всё улеглось, Чжоу Сяоча решил вернуться в город Чаннань, и Ду Цзянсюэ его не удерживала. В последней сцене фильма, словно чужие, мать и сын сидели за старым обеденным столом, разделив прощальную трапезу из лапши.

Два месяца назад, в день, когда Гу Чуньлай прочитал сценарий, он бесчисленное количество раз размышлял о том, каким он станет после пережитых любви, ненависти, смерти и борьбы, и какой ответ даст на всё это. Возможно, он испытает волнение, обретёт покой, будет разбит, а затем воссоздан, или же будет испытывать нежелание расставаться.

Но когда этот момент наступил, он не ожидал, что окажется настолько спокойным.

Многие декорации были разобраны, многие актёры завершили свои съёмки, и весь фокус сосредоточился на двух последних актёрах, на эмоциональной сердцевине всего фильма.

Режиссёр Фан вообще не вмешивалась в эту сцену. Сяо Цаньсин и Гу Чуньлай в этот момент не нуждались в её руководстве. Она понимала, что они и есть их персонажи, а их взаимодействие и чувства — это то, что должно быть между их героями.

Гу Чуньлай ощущал тревогу, но не страх.

Перед началом съёмок он даже не приблизился к пониманию актёрского мастерства в кино. А теперь он знал, что столкнулся с одними из лучших актёров в индустрии, которые не боялись, не требовали наград и делали всё ради конечного результата фильма.

Закончив с гримом, Гу Чуньлай прибыл на площадку. Спустя несколько минут появилась и Сяо Цаньсин. Оба были одеты в костюмы для сцены похорон, их лица выражали усталость и облегчение, а глаза были красными от напряжения. Они сели перед декорациями, игнорируя суету вокруг, словно мать и сын, только что вернувшиеся с похорон, молча смотрели друг на друга.

— Учитель Цаньсин, — тихо произнёс Гу Чуньлай, чтобы окружающие не услышали, — у меня есть кое-что на душе. Могу я сказать вам перед съёмкой?

Сяо Цаньсин ласково улыбнулась:

— Конечно, говори.

Гу Чуньлай тоже улыбнулся, глубоко вдохнул и, положив руку на грудь, сказал:

— Я официально стану частью кинокомпании «Цаньсин». Несколько дней назад я подписал контракт с Жофэем, и, возможно, сразу после завершения съёмок новостные СМИ объявят об этом.

— Я уже знаю, добро пожаловать, — протянула правую руку Сяо Цаньсин. — Добро пожаловать в нашу команду.

Гу Чуньлай с благодарностью пожал её руку.

Прошло несколько секунд, и Гу Чуньлай уже собирался отвести руку, но Сяо Цаньсин не собиралась отпускать:

— Я думаю, у тебя есть ещё что-то, что ты хотел сказать.

Какой же актёр, находясь на вершине, может быть слаб в наблюдательности? Гу Чуньлай, чьи мысли были угаданы, достал небольшую коробочку из молочно-белого бархата и, слегка смущённо, пододвинул её к Сяо Цаньсин:

— В день рождения Жофэя произошёл небольшой инцидент, и я забыл передать вам кое-что.

Сяо Цаньсин отняла руку, её лицо озарилось радостью. Открыв коробочку, она обнаружила внутри нить великолепных жемчужин цвета павлиньего пера. Она не могла оторвать от них глаз, разглядывая их снова и снова, словно желая впитать их красоту.

Немного поиграв с жемчужинами, Сяо Цаньсин закрыла коробочку и с улыбкой сказала:

— Ты очень старался, мой мальчик.

Руки Гу Чуньлая были холодными, пальцы переплетались:

— Я тогда хотел поблагодарить вас за то, что вы привели Жофэя в этот мир. Я... мы с ним...

— Дитя, вы ведь вместе, верно? — голос Сяо Цаньсин оставался таким же мягким, когда она накрыла руку Гу Чуньлая.

То, что она догадалась, не стало для Гу Чуньлая сюрпризом. Он выпрямился, сердце бешено колотилось, а глаза упорно смотрели на пятно плесени на столе, не смея поднять взгляд.

— Чуньлай, ты должен понимать, что жизнь Жофэя принадлежит ему самому. Кого он любит, кого ненавидит, с кем хочет провести остаток своих дней — это его выбор. Я лишь привела его в этот мир, не более того, и у меня нет права вмешиваться.

Гу Чуньлай с удивлением поднял голову, глядя в её глаза, в которых не было ни капли фальши.

— Чуньлай, ты любишь Жофэя?

Гу Чуньлай, не раздумывая, выпалил:

— Люблю.

— А он любит тебя?

— Думаю, да.

— Тогда всё в порядке, — руки Сяо Цаньсин были такими тёплыми, что растопили сомнения и лёд в сердце Гу Чуньлая. — Быть с тем, кого ты любишь и кто любит тебя, — это счастье в жизни. Цените это.

Гу Чуньлай серьёзно кивнул и раскрыл последнюю страницу сценария.

С груди упал камень, и Гу Чуньлай почувствовал необычайную лёгкость.

И он, и Сяо Цаньсин чувствовали, что эта мать и сын так и не достигли настоящего примирения, в отличие от традиционного воспевания семейной гармонии. Но оба уже примирились с собой и с миром, и впереди у них было ещё много лет, полных испытаний. Рано или поздно они примирятся друг с другом.

Перед началом съёмок актёры, как обычно, сыграли сцену без включения камер.

Молча разделив прощальную лапшу, Ду Цзянсюэ первой нарушила тишину, обменявшись с Чжоу Сяоча планами на будущее. Чжоу Сяоча поднял свою сумку и попрощался с этим домом и своим прошлым. В этот момент их игра была безупречной, вызывая одновременно грусть и облегчение.

Режиссёр не сделала замечаний и не давала указаний, а просто подняла мегафон и объявила всем отделам, что последняя сцена начинается.

Камеры заработали, на площадке воцарилась тишина, и два актёра вновь продемонстрировали безупречную игру. Будь то поедание лапши или разговор, всё происходило так, как будто это были настоящие, хотя и отдалённые друг от друга мать и сын.

Перед уходом Гу Чуньлай поднял сумку, стоящую на полу, с выражением, в котором смешались улыбка и слёзы, подошёл к двери, обернулся и посмотрел на Сяо Цаньсин.

Помолчав, Гу Чуньлай первым заговорил:

— Мама, — это было впервые и единственный раз за весь фильм, когда он произнёс это слово, — я ухожу.

Сказав это, он открыл дверь.

— Возвращайся! — Три слова, одна фраза, в которой сквозила невысказанная тоска.

Гу Чуньлай помахал рукой и вышел за дверь. Впереди его ждали закат, похожий на дым и пламя, горы и леса, а также новое будущее. Он мог смеяться и плакать сколько угодно, его слёзы больше не испарялись в ночи, а гнев не растворялся между высокими стенами.

Только когда фигура Гу Чуньлая исчезла из виду, режиссёр медленно произнёс:

— Снято.

Всё закончилось.

Действительно закончилось.

После нескольких секунд тишины площадка взорвалась аплодисментами. Члены съёмочной группы окружили двух главных актёров, подбросили их в воздух и крепко поймали, повторяя это несколько раз, пока кто-то не остановил их.

Незаметно в толпе появился продюсер, который до этого держался в тени. На его лице не скрывалась улыбка, когда он объявил о завершении съёмок, а затем передал слово актёрам.

Гу Чуньлай отступил, позволив Сяо Цаньсин говорить первой.

Актёр, который с самого начала съёмок и до конца показывал безупречную игру, теперь не сдержал слёз. Из-за отсутствия подходящих сценариев она уже много лет не стояла перед камерой. Она сказала, что проект «Семя» Сяо Жофэя позволил ей увидеть, как её мечта вновь начинает прорасти. Вся компания прошла долгий путь за шесть лет, пока не достигла этого дня. Она говорила о надежде, о завтрашнем дне и, наконец, протянула руку Сяо Жофэю, поблагодарив его.

Сяо Жофэй обнял Сяо Цаньсин, достал букет розовых гвоздик и вручил ей.

Когда она закончила, настала очередь Гу Чуньлая.

Честно говоря, Гу Чуньлай не был готов. Он совсем не хотел, чтобы это заканчивалось. После сегодняшнего дня ему предстояло вернуться к промоушену «Двух городов» вместе с Бай Яньнанем. А Сяо Жофэй будет занят постпродакшеном, делами компании и многим другим. Он не знал, сколько времени пройдёт, прежде чем он сможет снова проводить дни рядом с Сяо Жофэем, и сможет ли он когда-нибудь снова оказаться в такой утопической съёмочной группе.

Ещё не успев открыть рот, он едва не расплакался.

Увидев это, Сяо Жофэй обнял его за плечи и прошептал на ухо:

— Не волнуйся, ты справился отлично. Все ждут, можешь поплакать после.

<http://bllate.org/book/15563/1415789>